

Драко

Область предсказуемости

ДУМАЕТЕ, ВСЁ ТАК ПРОСТО? ДА, ВСЁ ПРОСТО. НО СОВСЕМ НЕ ТАК...

АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН

– Главное, не пытайтесь летать, – предупредил Лайт 140 по пути в рубку. – С невесомостью шутки плохи, так-то. Вас не должны были будить до самой станции, но обстоятельства изменились, к сожалению... – он виновато улыбнулся. – Корабль лег на новый курс. До следующего запуска двигателей, сила тяжести не вернется.

Кэсси 520 промолчала; ее слишком сильно тошнило, чтобы трезво воспринимать окружающее. Голова страшно кружилась, в грудь забрался старый злой дракон и, при каждом толчке сердца, беспощадно пинал желудок. Инстинкты метались в агонии – для них, отсутствие гравитации означало падение, и Кэсси прилагала все силы, чтобы обуздать панику. Оставалось лишь надеяться, приступ минует к началу собрания.

– Аккуратно... Вот сюда, цепляйтесь за поручни... Давайте– ка я помогу вам сложить крылья...

Кэсси так ослабла, что едва поддерживала себя в сознании. Умелые руки спутника влекли ее вдоль какого-то туннеля, свет зажигался и гас, на мгновение ей показалось – все это было уже тысячи раз. Дежавю навалилось с пугающей силой.

– Прибыли, так-то! – из круглого люка дохнуло теплом. Лайт помог Кэсси протиснуться в рубку и занять уютное пухлое кресло, пристегнул ее ремнем, сунул в ладонь тюбик тоника. – Отдыхайте. Я за остальными.

Какое-то время головокружение не проходило, однако ощущение мягкого обволакивающего материала за спиной и под крыльями, слегка утихомирило вестибулярный аппарат. Медленно потягивая напиток из трубочки, Кэсси приходила в себя.

В рубке, кроме нее, находился лишь один космонавт – строгий и всегда подтянутый, неразговорчивый математик Кайт 312. Кэсси вспомнила, что знала его еще до отлета, единственного в команде. Кажется, они встречались на симпозиуме по квантовым вычислениям... Или даже раньше...

– Я был против вашего участия, – внезапно сказал Кайт. – Простите. Невесомость мучительна. Космонавты проходят длительный курс адаптации, а вы не готовы. Вас не следовало будить.

Кэсси на мгновение сомкнула обе пары век, борясь с головной болью.

– Сколь проще давалось бы освоение космоса, не будь мы крылаты... – пробормотала она со вздохом.

– Разум не может развиваться у примитивных нелетающих видов, – возразил Кайт. – Трехмерная ориентация обеспечивает необходимую сложность мозга, запускает его эволюцию.

– Я знаю, да... – тоник закончился, и Кэсси разочарованно толкнула пустую банку в сторону магнитного уловителя. Потерла виски, приводя мысли в порядок.

– Что произошло, почему изменили курс? – спросила она тревожно. – И зачем понадобилась я?

Кайт перебрал когтями по белому, эмалированному металлу своего скафандра. Четкий перестук прозвучал неожиданно громко.

– Получен сигнал бедствия из неисследованной системы. Прием оборвался прежде, чем был расшифрован борт-идентификатор, мы успели извлечь лишь координаты.

Кэсси встрепенулась:

– Какого формата сигнал? Наш? Или...

– Наш, – сухо сказал Кайт. – Автоматический маяк звездолета, тип ССМ– 3, такой же имеется и в данном корабле. Его включение означает, что произошла катастрофа, заведомо неустраняемая силами экипажа.

Кэсси вздрогнула:

– Но если сигнал внезапно прервался...

– Прервался не сигнал, а прием. Релятивистские эффекты. Слишком велик стал диаметр сферы искривленного пространства, сигнал ослабел.

Кайт провел когтем по сенсорному диску на подлокотнике. В воздухе перед ним зажглась довольно тусклая и колышущаяся голограмма с траекторией. Кэсси приблизила глазами чертеж, легонько наострила уши:

– Триста семь – расстояние? Не знала, что пилотируемые экспедиции уже отправляли так далеко...

– Не отправляли, – отозвался мрачный голос сзади.

Кэсси с некоторой растерянностью оглянулась. Возле люка парили в невесомости трое космонавтов – все, кто был на борту. Голубоглазый, чернокрылый баллистик Лайт, нейропилот Лекс 512 и начальник экспедиции, огромный бело–золотой Кауран 8000.

– Капитан в рубке, – отрывисто произнес Кайт.

Кивая своей единственной пассажирке, члены команды по очереди протиснулись в люк и беззвучно разлетелись каждый к своему креслу. Кэсси тревожно перебрала крыльями:

– Данных о попавшем в беду корабле нет? – спросила напряженно. – Кто мог оказаться столь далеко?

Отозвался Лайт:

– Мы не знаем, так-то. Ни одна экспедиция в указанный район не отправлялась. Кроме нашего звездолета, долететь туда сумели бы лишь другие дальние разведчики класса «А.Р.О.Л.» да, быть может, «Игу–Ру»...

– ...если бы не мизерный ресурс его двигателей, – вставил Лекс. Он был некрупным, серебристо–белым и довольно изящным, с большими глазами и узким аристократическим клювом. Кибернетические модули коммутации с кораблем были вживлены ему в плечи, подмигивающая огоньками антенна тянулась вдоль позвоночника до основания хвоста. На боках, за перьевым поясом, от антенны расходились стильные орнаменты татуировок.

Машинально отметив их красоту, Кэсси вздрогнула и удивленно подняла глаза:

– Почему вы без скафандра?

Лекс усмехнулся.

– Что поделать, – он развел крыльями. – Я должен чувствовать корабль.

– Но скафандр не настолько экранирует радиоволны...

– Он экранирует меня, – отрезал Лекс.

Покачив головой, Кэсси обратила взгляд к центральному креслу, где сидел массивный Кауран. Бело–золотые, как правило, превосходили ростом и размахом крыльев все прочие расы, но Кауран был необычно крупным даже для них.

– Капитан, мы изменили курс? – спросила Кэсси негромко. – Сколько времени займет полет?

Кауран перебрал пальцами, не выпуская когтей.

– Девять условных суток в невесомости, пока корректируется траектория, около часа на прыжок, затем начнется торможение и гравитация вернется.

– Девять суток! – невольно вскрикнула девушка. Капитан отвел глаза:

– Простите. Мы бы не стали вас будить, если б не крайняя необходимость.

Кэсси сильно вздрогнула.

– Я слушаю?

Кауран бросил взгляд на Кайта. Тот невольно прижал уши и обернулся к девушке:

– Сигнал бедствия был сильно искажен, но мы успели принять небольшой фрагмент. Я... Математик. Я строю траектории. Мне удалось понять, что в сигнале присутствовала речь, а не только стандартные данные маяка. Больше я ничего не сумел извлечь.

Кэсси откинулась в кресле и некоторое время молчала.

– Ясно, – сказала она после паузы. – Что ж, для подобной работы я была рождена. Не будем терять время. Мне потребуется иллюминатор, тишина, вода и много печенья.

– Берите мою каюту, я поживу в обсерватории, – отозвался Кайт.

В каюте математика было тепло и уютно. Несмотря на головную боль и подташнивание, перед панорамным голографическим экраном Кэсси ощущала умиротворение. Тут она чувствовала себя дома, богиней цифр и аналитики. Если погрузиться в работу достаточно глубоко, быть может, получится хоть на мгновение забыть о невесомости...

– А вот и топливо! – в люк заглянул улыбающийся Лайт. Кэсси поймала летевший в ее сторону пакет, отщелкнула клювом кончик и вдохнула сдобный, восхитительный аромат.

– Няяя! – ей хотелось разорвать пакет в клочья, но она бережно ко всему относилась и даже запечатанные упаковки – с печеньем – да–да, с ароматным, вкусным печеньем – печеньем, от запаха которого кружилась голова и хрустел клюв – с самым аппетитным печеньем на световые годы вокруг – ррра!!! Кэсси помотала головой. Спокойно, спокойно...

Ровненько, минимально повредив упаковку, она проделала дырочку в центре и спиралькой вспорола пластик, чтобы из пакета получилась тарелка. Результат – не нужно лапу опускать глубоко и, опять–же, крошек нет.

Обычно Кэсси могла минут пять потратить только на вскрытие пакета... Но вид разлетающегося в невесомости астероидного поля из печенек, оказался превыше ее сил и, несколькими молниеносными, хищными выпадами, она склевала их все. От удовольствия, непроизвольно, встопорщились перья на шее.

– Откуда такая няяяшность? – пробормотала она, зажмурившись и стараясь растянуть вкус последних крошек подольше. Лайт пролез в люк и повис над койкой, использовавшейся во время разгона и торможения.

– Мои личные запасы, так-то, – заявил он гордо. – Еще два пакета есть.

– Няяя... – Кэсси сглотнула. – Но нет. Их – на потом. А то я себя знаю.

Лайт склонил голову набок и, заинтересовано, наострил уши.

– А можно вопрос?

– Конечно.

– Не поймите неправильно, но, как я знаю, вы впервые не только на межзвезднике, но и вообще в дальнем космосе. Слышал, будто сам навигатор Ким

покидал Пограничную-1, чтобы уговорить вас лететь. Это как-то связано с... вашим происхождением?

Кэсси удивленно нахмурилась.

– Вы только сейчас спрашиваете? После стольких дней полета?

– Нет конечно! Я спросил бы в первую же минуту! – возмутился Лайт и добавил, подмигнув: – Но у кого?

Девушка запнулась, вспомнив, что лишь недавно пробудилась от искусственного сна. Пожала крыльями:

– Да, это связано с моим происхождением. Но дело не в аналитических способностях. Все знают, я первая полукровка от черного и серебристой, но немногие в курсе, что родилась я на «Атласе» и провела там первые пять лет жизни.

Лайт пощелкал клювом:

– Пять лет!

– Так получилось, – сухо ответила Кэсси. – Я ни в чем не виню родителей.

– Пять лет на гравитационном тягаче, в зоне гелиопаузы... – космонавт покачал головой. – Вам, должно быть, было непросто адаптироваться.

– Я так и не смогла, – Кэсси отвела взгляд. – Мой организм не выдерживает перегрузок. Я начинаю задыхаться даже на Фаэне, а в невесомости меня мучают боли и кружится голова, постоянно. Я обречена жить на космических станциях или астероидах, с гравитацией не выше трети от аквильской.

Лайт довольно долго молчал.

– Кому пришла идея отправлять на «Атлас» разнополюые пары? – с досадой пробормотал он, наконец. – Зачем там вообще экипаж?

Кэсси вздохнула.

– Затем, что шесть лет наедине с космосом – испытание на грани возможностей психики. Пары имеют более высокие шансы. А комплектуют их всегда из генетически несовместимых особей, чтобы... Такие, как я, не рождались.

– Я о другом, – мрачно возразил космонавт. – Вот наша команда в дальних полетах уже много лет, и никаких конфликтов, так-то. Мы работаем, проводим эксперименты, осуществляем научную программу. А вахтенным на «Атласе»

заниматься нечем. Они нужны только для непредвиденных ситуаций, чтобы перестраховщики в ЦУ спали спокойнее...

Кэсси невесело улыбнулась.

– Знаете, я тоже сплю спокойнее, когда на борту есть хоть один пилот помимо автопилота.

– «Атлас» не звездолет, – отрезал Лайт. – Он никуда не летит. Это гравитационный тягач, так-то. Ледяной цилиндр в миллиард тонн, висящий над другой ледяной глыбой, чтобы изменить ее орбиту своей массой и не дать врезаться в Аквилу через сто восемьдесят два года. Экипаж там не нужен. Что им делать-то шесть лет?!

Кэсси фыркнула:

– Есть поговорка – когда нечего делать, надо делать детей.

Лайт подавился и, яростно, почесал задней лапой за ухом.

– Гм... Ну... Ладно. Спасибо за ответ. Не буду отвлекать... – он полез было в люк, но оглянулся, услышав голос Кэсси:

– Вы упомянули еще два пакета с печеньями?

Первые дни анализа шли в постоянной борьбе с головной болью. Кэсси часами смотрела на ряды цифр, пытаясь отыскать паттерны, хоть какие-то зависимости, но стоило ей сосредоточить внимание – начиналось головокружение и экран расплывался в мутное пятно. Вчера Лайт предложил ей выйти в открытый космос и раскрутиться вокруг корабля на конце длинного фала – центробежная сила подарила бы ощущения, весьма сходные с гравитацией, но едва створки шлюзовой камеры разошлись, как Кэсси настиг жесточайший панический приступ. Невесомость лишала организм понимания, где «верх» или «низ», вид черной бездны за люком едва не свел ее с ума; когти инстинктивно вцепились в поручни, и чтобы разжать их минут через пять, потребовался домкрат.

Сверхсветовая связь, которую использовали аварийные маяки, работала на том же принципе, что и двигатели дальних разведчиков; поскольку лететь быстрее света не могло ничто, сигнал кодировался в пакеты, отправляемые внутри «пузырьков» искривленного пространства Артивiana. Маяки непрерывно отслеживали перемещение звездолетов с максимальной точностью, по сотням параметров, и оставались постоянно наведенными на область пространства, где сигнал могли бы принять. В случае катастрофы, маяк автоматически выстреливал нанометровую «каплю» экзотической материи и, одновременно, испускал закодированный и сжатый в миллиарды раз оптический информационный сигнал. Пойманный в «пузырек» искаженного пространства, сигнал мог вечно отражаться от его «стен», но сам пузырь постепенно рос по мере ускорения частички экзотической материи и, соответственно, слабел и сигнал.

На расстояниях, привычных для освоенного космоса, проблема еще не являлась критичной, но с ростом числа дальних экспедиций, опасность встречалась все чаще. Экзотическая материя сжимала пространство по вектору своего движения и быстро расходовалась – иначе «пузырь» мог бы расти и ускоряться до бесконечности. С одной стороны, это повышало шансы сигнала быть принятым, но с другой – чем больше становился пузырь, тем быстрее слабел и сигнал. Принятый Кайтом зов о помощи был «едва слышен», поскольку «пузырек» с ним уже вырос до размеров звезды и практически полностью испарился.

Кэсси не понимала, что могло настолько исказить цифровой блок сигнала. Заголовок пакета и обратные координаты маяка пришли без единого сбойного бита, а самое удивительное – вчера ей пришлось в голову рассчитать контрольную сумму сигнала и поискать в его цифровом массиве полученное число. Оно сразу нашлось, хотя паттерн «окончания пакета» и борт-идентификатор отсутствовали. Найденная контрольная сумма полностью совпадала с вычисленной, то есть, передача была принята вся, целиком – потерянных фрагментов быть не могло.

И, тем не менее, сигнал непостижимо как исказился до неузнаваемости. Шансы на «случайное» повреждение самой контрольной суммы именно так, чтобы она совпала с искаженным сигналом, были столь малы, что подобное не могло бы

произойти за триллион триллионов триллионов триллионов сроков существования Вселенной.

Единственным объяснением оставалось самое прямое – гибнущий корабль отправил через маяк именно тот бессмысленный набор цифр, который и видела сейчас на экране Кэсси. Зачем?! До прыжка оставалось меньше суток, а лучший в мире аналитик – даже не просто лучший, а генетически превосходящий всех остальных – не продвинулся дальше Кайта, догадавшегося прогнать цифровой массив через аналоговый конвертер, и получившего на выходе характерную аудиограмму. Увы, сам звук оказался бесполезным трепещущим писком...

Она зажмурилась. Нет, в таком состоянии работать бесполезно. Надо передохнуть, хоть на часик забыть о сводящей с ума, бесящей головной боли. Отстегнувшись от кресла, Кэсси подлетела к люку и выбралась в коридор.

Корабль «Йинг» был дальним разведчиком класса «А.Р.О.Л.», то есть совсем небольшим, тесным и плохо приспособленным для отдыха звездолетом. Экипаж состоял всего из четырех космонавтов, а пассажирских кают не было вовсе – в случае необходимости, «капсулы» с минимальным набором удобств устанавливали в трюме, единственном более-менее просторном отсеке на борту. В плане, разведчик напоминал цепочку из семи шаров разного диаметра, связанных центральным тоннелем. Самый большой шар, седьмой если считать вдоль вектора движения, был одновременно трюмом, ангаром для посадочного шаттла, топливным баком и спасательной капсулой, к нему от каждого обитаемого отсека тянулись аварийные гибкие «рукава» ярко-желтого цвета. Двигатели – и орбитальные, и межзвездный – находились в шестом шаре. От него лучами на десятки метров расходились решетчатые фермы, поддерживавшие зеркальное кольцо сверхсветового движителя Артиввиана.

Общая длина корабля не превышала ста метров, но для Кэсси они казались парсеками. Медленно перебирая лапами по скобам внутри центрального туннеля, она (взбиралась? спускалась?) в направлении головного, первого шара, где находились обсерватория и крохотная оранжерея, в которой едва помещалось одно кресло. Стены и потолок там были выложены видеоплитками с объемным изображением, а растения обвивались вокруг натянутых до потолка струн, и росли все примерно в одном

направлении; если пристегнуться к креслу и включить правильный фильм, можно отвлечься...

Каждые несколько минут звездолет чуть-чуть вздрагивал – на доли секунды включались двигатели ориентации, продолжая с бесконечным старанием выверять траекторию перед межзвездным прыжком. Неточность в одну миллиардную градуса, на финише превратится в месяцы полета на орбитальных скоростях, не говоря уж об опасности оказаться в гравитационной ловушке звезды или газового гиганта.

Кэсси добралась уже до третьего шара, когда расслышала музыку, доносившуюся из приоткрытого люка. Это само по себе казалось странным: оставлять межотсечные люки незадраенными было грубым нарушением техники безопасности. Заглянув в щель, она даже не слишком удивилась, заметив Лекса.

Вновь без скафандра, тот парил в невесомости в центре своего отсека, зажмурившись и приоткрыв клюв. Напротив него медленно вращался... Кэсси даже моргнула от изумления: самый настоящий, как из музея, проигрыватель виниловых дисков!

– Влетайте, – не раскрывая глаз, позвал Лекс. Кэсси вздрогнула, но вспомнила про связь нейропилота с кораблем и поняла, что серебристо-белый непрерывно видит и чувствует все, что происходит в звездолете.

Приоткрыв люк, она забралась в отсек и осмотрелась. Места здесь было даже меньше, чем в каюте Кайта, где она работала над кодом. Стены украшали красивые и очень сложные орнаменты, вместо стандартного надувного кресла стояло ортопедическое, разборное. Иллюминатора в каюте не имелось, а магнитный рабочий столик был сложен и закреплен под «потолком».

– Нравится музыка? – с улыбкой спросил Лекс.

Кэсси, опомнившись, перевела на него взгляд.

– М– м– м... Для меня легковато, – призналась после короткого замешательства.

– Но... Винил? В космосе?

Лекс виновато развел крыльями:

– Знаю, знаю. Мне пришлось заменить противовес на пружину.

– Но зачем?!

– Ничто не сравнится с настоящим аналоговым звуком, – убежденно отозвался серебристо–белый.

Кэсси возмущенно встопорщила перья:

– Какая чушь! Динамический диапазон этих дисков настолько узок, а гармонические искажения столь велики, что... – она запнулась, когда Лекс рассмеялся и постучал себя когтем по виску.

– Все в голове, – заметил он весело.

– То есть, вы сознаете, что на самом деле...

– На самом деле? – мягко прервал Лекс. – Это как?

Девушка моргнула.

– Не поняла.

– Какой смысл вы вкладываете во фразу «на самом деле»? – серебристо–белый лукаво склонил голову набок.

Кэсси недоуменно прынула ушами.

– Смысл? Но... Это же... Все вокруг! Реальный мир!

– А как вы можете быть уверены, что он реален? – Лекс едва заметно взмахнул кончиками крыльев, и этого ему хватило, чтобы принять в воздухе вертикальное положение и скрестить на груди лапы. В невесомости он двигался виртуозно. – Что есть реальность? Мы видим, слышим, чувствуем, и мозг строит из поступающих данных некую модель, анимацию, которую затем осмысляет. Зрение? Лавина нейроимпульсов от глаз. Слух? Беспольные вибрации перепонки. Что говорят они о «настоящем» мире, где истина, а где интерпретация? Как описать звезду словами? Можно ли нарисовать музыку? Нет. Но вдохновившись талантливым описанием, звезду легко вообразить, во всем ее грозном величии – и, как раз так, и работает мозг. Читает поступающие от органов чувств ущербные, фрагментарные описания истинного мира, строя воображаемый на их основе. Увы. Никто никогда не узнает, как «на самом деле».

Кэсси настороженно прищурила глаза:

– Вы же не из... этих, правда? Симулянтов, или как они себя называют?

Лекс фыркнул.

– Симулякры. Нет, я не верю, будто окружающая нас Вселенная суть модель внутри мегакомпьютера некой сверхцивилизации. Вы невнимательны.

Девушка вспыхнула:

– Я всегда внимательна!

– И тем не менее, упустили самую суть моих слов, – с улыбкой заметил Лекс.

Кэсси помедлила.

– Вы говорили о субъективности восприятия? – догадалась она после непродолжительного раздумья.

– Бинго.

– Что–что?

– Простите, техножаргон... – Лекс виновато опустил взгляд. – Означает «приказ принят, следую указанным курсом». Проще говоря, «так точно», – он шутливо отдал честь.

– Вы были пилотом?

– Я и сейчас пилот, даже вот буквально в эту секунду, – отозвался серебристо–белый. – Баллистики, вроде Лайта, принимают штурвал лишь вблизи планет, навигаторы строят межзвездные траектории, капитан руководит, ну а я – коммутатор меж слабыми, примитивными биоформами и ледяным совершенством машин. Я отвечаю за корабль.

Он взмахнул крыльями, подлетел к парившему в невесомости виниловому проигрывателю и закрыл прозрачную крышку. Легкая, расслабляющая музыка смолкла.

– Берите, – Лекс протянул аппарат Кэсси. Девушка слегка растерялась:

– Но... Я такое не слушаю...

– А откуда вам известно, что на другой стороне пластинки? – серебристо–белый лукаво подмигнул. – Вдруг, там ваша любимая песня?

– Вы не знаете, какие песни я люблю.

– Как и вы не знаете, что записано на пластинке. Впереди приключение! – воскликнул Лекс. – Встреча с неведомым!

Кэсси покачала головой:

– Спасибо, но я направляюсь в оранжерею для отдыха. Музыка там излишня.

– Тогда я оставлю проигрыватель в вашей каюте, приобщайтесь к миру аудиофилов, – улыбнулся серебристо-белый и добавил внезапно, не меняя тона: – Оранжерея, кстати, занята. Там спит капитан. А в обсерватории Кайт проверяет траекторию, не стоит ему мешать. Для общего блага.

Девушка на мгновение застыла. Стиснув клюв и ничего не ответив, она сунула проигрыватель под крыло и полезла в люк. Путь обратно, до каюты, предстоял долгий.

Атмосфера в рубке была напряженной. На Кэсси никто не смотрел, но она каждым перышком чувствовала состояние космонавтов. До прыжка оставалась минута; расшифровать сигнал не вышло, и теперь капитану предстояло решить – рискнуть ли лететь непосредственно в точку, где с неведомым кораблем произошла катастрофа, или задать координаты выхода на безопасном удалении, рискнув всей спасательной операцией. Кайт подготовил несколько траекторий, различавшихся степенью отдаленности от цели; какую выбрать – определит последний запуск двигателя ориентации.

Мрачный и взъерошенный Кауран сидел перед главным экраном, занимавшим всю стену. Машинально постукивал пальцем о палец, не выпуская когтей. Остальные космонавты расселись позади него в креслах, Кэсси села дальше всех: ей было стыдно и обидно за неудачу с сигналом, хотя, видит космос, она сделала все, что могла.

– Курс два, – сказал, наконец, капитан.

– Есть курс два! – Лекс даже не шелохнулся, однако звездолет чуть заметно вздрогнул. На экране вспыхнули цифры обратного отсчета. Кайт, сидевший по правое крыло от Каурана, неодобрительно покачал головой, однако смолчал. Ничего не сказал даже Лайт.

10... 9... 8...

«Сейчас там, в сверхпроводящем кольце межзвездного двигателя, разгоняется тончайшая, невидимая глазом нить экзотической материи» – подумала Кэсси.

7... 6... 5...

«Через мгновение, экранирующие плоскости будут подняты и само пространство начнет искажаться, разгоняя звездолет без малейшего ускорения...»

4... 3... 2...

Кэсси зажмурилась.

...1

– Старт.

– Есть старт.

– Скольжение в норме. Скорость 7С.

– Отклонение две тысячные, в пределах нормы.

– Скорость 14С.

– Отклонение две тысячные, в пределах нормы.

– Температура двигателя в пределах нормы, скачков нет.

– Скорость 38С.

– Отклонение две тысячные, в пределах нормы.

– Вношу коррекцию.

– Отклонение одна тысячная. Отклонение ниже погрешности.

– Скорость 50С, первая стартовая достигнута.

– Отклонение ноль.

– Температура двигателя в пределах нормы. Скачков нет.

– Переход на вторую стартовую.

– Есть переход на вторую стартовую!

– Скорость 200С.

– Скорость 700С.

– Внимание, проходим радиационный фронт.

– Ионизация не выше нормы.

– Фронт пройден.

– Скорость 4000С.

– Скорость 10000С. Вторая стартовая достигнута.

– Температура двигателя в пределах нормы, скачков нет.

– Переход на крейсерскую.

– Есть переход на крейсерскую!

- Запуск маршевого кольца.
- 10%... 50%... 100%. Маршевое кольцо запущено.
- Скорость 500 000С.
- Скорость 1 000 000С.
- Скорость 2 000 000С.
- Сброс ускорения.
- Есть сброс ускорения.
- Скорость 2 500 000С. Крейсерская достигнута.
- Температура двигателя в пределах нормы, скачков нет.
- Отклонение ноль.
- Капитан, корабль успешно начал межзвездный прыжок. Внештатных ситуаций не наблюдалось. Расчетное время прибытия к цели 55 условных минут, – отрапортовал Лекс.

Кауран с шумом выдохнул и откинулся в кресле.

- Благодарю всех за хорошую работу.
 - Но, курс два... – Кайт неодобрительно прижал уши. – Слишком далеко.
 - Мы даже не знаем, что находится в той области космоса, – возразил Кауран.
 - Ты сам изучал точку выхода, там нет ни звезды, ни облаков газа. Пустота.
 - Тем меньше было причин выбирать столь далекий курс, – упрямо сказал Кайт.
 - Мы можем не успеть их спасти.
 - Сколько времени шел сигнал маяка?
 - Около условного часа.
 - И еще девять суток мы потратили на коррекцию курса, – отозвался капитан. – Автономность скафандров не превышает двух дней. Если их корабль настолько поврежден, что его пришлось покинуть – мы никаким образом не успели бы.
- Кайт промолчал. Неловкую паузу нарушил Лекс:
- Советую всем разлететься по каютам и готовиться к возвращению силы тяжести, – заметил он спокойно. – Кэсси, вас это особо касается.
- Аналитик вздрогнула.
- Как долго продлится торможение?

– Зависит, что мы увидим на месте, – отозвался Лайт и кивнул в сторону огромного панорамного экрана, сейчас совершенно черного. – Если обнаружить корабль получится быстро, я постараюсь максимально уменьшить время подлета, так-то.

Кэсси помедлила.

– Капитан, можно остаться в рубке до окончания прыжка?

Бело-золотой вздохнул:

– Можно. Только предупреждаю: после многих дней невесомости, начало торможения будет... Болезненным.

Девушка поежилась.

– Я справлюсь.

Вновь воцарилась тишина. Атмосфера была слегка напряженной, ведь риск сопровождал всякий межзвездный прыжок, особенно в неисследованную область Галактики. Космонавты следили за телеметрией, время от времени перебрасывались сухими, непонятными Кэсси терминами. Минуты тянулось замерзающим воском.

Таймер показывал 55, когда голос впервые подал Кайт, до сих пор ни на миг не отрывавший взгляда от экранов.

– Точка выхода через: 3... 2... 1...

В рубке ничего не изменилось, когда звездолет вернулся в обычное пространство. Кэсси этого не почувствовала: корабль вышел из прыжка с тем же нулевым ускорением, что и прежде. На главном экране вспыхнули десятки надписей и шкал, чернота искривленного космоса сменилась бесконечным океаном звезд. Звезды не двигались.

– Фиксация координат по пульсарам запущена, – спокойно доложил Кайт. – Непосредственных угроз столкновения в точке выхода не наблюдаю. Прогноз безопасности... – он поводит когтем над сенсорным диском в подлокотнике. – ...вероятность встречи с неучтенными небесными телами в ближайшие условные сутки стремится к нулю. Капитан? – Кайт оглянулся.

Бело-золотой шумно перевел дыхание.

– Прыжок объявляю завершенным и успешным. Экипажу вернуться к исполнению обязанностей, Лекс – разворачивай все антенны, что у нас есть, начинаем

поиск терпящего бедствие звездолета. До самого обнаружения продолжаем пассивный полет без коррекций курса.

Кэсси на заднем ряду невольно сглотнула.

– Опять невесомость? – спросила тихо. Кауран бросил на нее слегка виноватый взгляд.

– В целях безопасности мы вышли из прыжка достаточно... далеко... от координат, что были в сигнале. Полагаю, на поиски и прокладку нового курса уйдет не более нескольких часов.

Кэсси расстегнула ремни и воспарила над своим креслом.

– Тогда я вернусь в каюту, если не возражаете.

Капитан молча кивнул.

Сон не шел. Заняться было решительно нечем. Кэсси парила в центре тесной каюты Кайта, напротив полного звезд иллюминатора. Звезды не двигались – очевидно, поиск еще продолжался.

Девушка мрачно смотрела на последнюю печенюку, что висела в метре от клюва. Кэсси построила мысленный граф вероятного развития событий на ближайшие сутки и сейчас искала путь наибольшей эффективности. При любых раскладах выходило, что беречь печенюку «на будущее» не имеет смысла, ибо скоро предстоит вернуться в пассажирскую капсулу и вновь погрузиться в искусственный сон.

Она легонько взмахнула крыльями. Поток воздуха завертел и ее саму, и печеню, Кэсси зажмурилась, борясь с тошнотой. И внезапно ощутила под крылом странную тяжесть.

«Откуда вам известно, что на другой стороне пластинки?» – вспомнила она.

Удивленно моргнув, Кэсси распростерла крылья во всю ширь и быстро остановила кувырканье, затормозив маховыми перьями о стены каюты. Подождала

пару секунд, пока печенька окажется в пределах досягаемости, склевала ее и, лишь затем, расстегнула подкрыльный карман.

Проигрыватель Лекса вблизи оказался самодельным – впрочем, каким же еще он мог быть? Подпружиненный тонарм, магнитная шайба на шпинделе, усилитель и динамик из запчастей к корабельному интеркому.

Кэсси подняла прозрачную крышку и, аккуратно, сняла пластинку, касаясь подушечками пальцев лишь ее граней. С сомнением осмотрела. Рисунок на этикетке ничего ей не говорил – очередной абстрактный орнамент, напоминавший переплетенные хвосты с разноцветными кисточками.

Впрочем, наклейка на той самой, «другой стороне», была капельку веселее: серо-зеленая арка и надпись «Овал». Поколебавшись, Кэсси решила не спешить, и установила пластинку в проигрыватель орнаментом вверх.

– Эй, зверятки, завяжите бантиком хвосты! – пропел тонкий голосок и грянула веселая музыка. Кэсси содрогнулась, судорожно схватила тонарм, чтобы побыстрее остановить ужас. Но в невесомости ей не удалось точно рассчитать движение, и игла с отвратительным визгом проехала поперек всего диска.

Девушка оцепенела. Справившись с шоком, она, дрожащей рукой, вернула тонарм на место, запустила пластинку и вновь толкнула иглу. Вскрикнула, накрылась крылом.

Визг был точно таким, как полученный Кайтом из сигнала бедствия.

Несколько секунд Кэсси приходила в себя. Разум взорвался, сердце бешено колотилось. Дергая хвостом от волнения, она бросилась к компьютеру.

Вот он, массив бессмысленных цифр... Переведенный в аудио, он становился противным трепещущим визгом, и никакой алгоритм не помогал отыскать к нему ключ. О, когти Солнца, ну разумеется...

Затаив дыхание, Кэсси быстро написала функцию и запустила обработку. Почему ей раньше не пришло в голову?! Неведомое воздействие на долгом пути сигнала исказило не его содержимое – все правильно, контрольная сумма не врал! Исказилась амплитуда модуляции! А поскольку заголовок пакета содержит флаг о методе сжатия, сам он не сжимается – вот и был получен в целости.

– Не верьте всему, что пишут в заголовках... – прошептала Кэсси, тщетно стараясь побороть ликование. Обработка сигнала завершилась, и с экрана на торжествующего аналитика смотрела родная и привычная спектрограмма аудиозаписи.

Кэсси сглотнула. Вообще-то, сейчас надо было срочно известить команду о расшифровке, но после стольких дней мук и адской головной боли девушка чувствовала себя вправе хоть на крохотную награду. Затаив дыхание, она ткнула когтем кнопку «Воспроизведение».

– Капитан! – Кэсси ворвалась в рубку, едва не застряв намертво в люке. – Капитан!

Все космонавты, кроме Кайта, по-прежнему были здесь и удивленно обернулись. Кауран нахмурился:

– Что случилось?

– Сигнал! Я расшифровала! – трепещущая Кэсси сорвала с пояса диктофон и включила громкоговоритель.

– Всем, кто слышит! Всем, кто слышит! – хриплый мужской голос заполнил рубку. – Опасность! Не приближайтесь! НЕ ПРИБЛИЖАЙТЕСЬ! Мы захвачены призраком, повторяю, призраком, высылаем его координаты! Не пытайтесь спасти нас, держитесь подальше, здесь только смерть!!! Повторяю! Всем, кто слышит! Всем, кто слышит!!!

Лайт распушился в черный пернатый шар:

– Это были координаты не корабля?!

Кауран схватился за голову.

– Они пытались предупредить... – простонал капитан. – Вот, почему отсутствовал борт-идентификатор...

– Чтобы послание не спутали с сигналом бедствия от маяка, – мертвым голосом закончил Лайт. – А мы... Прилетели точно в ловушку...

– Лекс! – Кауран рывком обернулся. – Лекс!

Нейропилот сидел неподвижно, зажмурившись и вцепившись когтями в подлокотники кресла. На вопрос отозвался сразу, но глаз так и не открыл:

– Гравитационное поле невозможно обнаружить в свободном полете. Нет ориентиров.

Капитан стиснул когти:

– Лайт, запускай торможение! Кэсси – пристегнитесь!

Девушка бросилась к креслу. Она едва успела закрепить ремни, как корабль вздрогнул и тело, впервые за много-много ужасных дней, налилось столь желанной тяжестью.

– Есть предварительный расчет гравитационного поля по отношению мощности тормозных двигателей к отрицательному ускорению корабля, – напряженно сказал Лайт. – Поле критически высокое. Напряженность 440 и растет.

– 440?! – вскрикнул капитан, Лекс подался назад всем телом. Встревоженная Кэсси нервно прижала уши:

– Что происходит?

– Призрак... – выдавил Лекс.

– Какой еще призрак?!

– Блуждающая черная дыра, – Кауран, не моргая, глядел на экраны. – Мы падаем к горизонту.

Растерянная, раздавленная, Кэсси накрылась крылом.

– Но... Как можно было... До сих пор... НЕ ЗАМЕТИТЬ?!

– Гравитация действует на каждый атом, так-то, – глухо отозвался Лайт. – Откуда, по-вашему, на планетарных станциях невесомость? Сила тяжести там лишь процентов на десять слабее, чем на поверхности.

– Но как?! Я не понимаю!

– Орбитальные станции падают, Кэсси, – тяжело сказал Кауран. – Они всегда в свободном падении, и лишь первая космическая скорость не позволяет им войти в атмосферу и сгореть. В свободно падающем корабле, обнаружить гравитационное поле невозможно, пока не попытаешься вырваться. А мы не запускали двигателей после прыжка.

– Лайт? – нервно позвал Лекс. – Лайт, напряженность 441.

– Я вижу, вижу! – когти баллистика лихорадочно метались над сенсорными панелями. – Дайте рассчитать... Масса призрака более полутора единиц... Нужны метрики, срочно! Прямо сейчас!

– Я в обсерваторию! – Кауран рванул ремни кресла и, двумя взмахами, скрылся в люке. В рубке остались Лайт с Лексом, да испуганная Кэсси.

– Сканируй пространство, ищи тот звездолет, – отрывисто бросил баллистик. – Может, еще не поздно...

Лекс сохранял полный покой: его связь с кораблем не требовала физической активности, все управлялось импульсами мозга.

– Их нет.

– Они не могли упасть в черную дыру за девять суток, не сумели бы и за девять триллионов веков, так-то!

– Я знаю! Но здесь ничего нет! Я ищу с самой точки выхода!

– Ищи лучше! Попробуй спектральный анализ, если они долго пытались вырваться, выхлоп двигателей удастся... – Лайт рывком вскинул крыло, призывая к молчанию: – Тихо! Пошли метрики от Кайта! – он погрузился в поток данных, нервно размахивая хвостом. Кэсси робко протянула крыло к Лексу:

– Разве черные дыры не излучают? – спросила, дрожа. – Аккреционный диск, квазары?

Нейропилот впервые открыл глаза и бросил на девушку короткий взгляд.

– Призраками зовут блуждающие дыры, – ответил он сурово. – Обнаружить их возможно только чудом – если более далекая звезда окажется точно на прямой линии между наблюдателем и черной дырой, ее свет исказится колоссальной гравитацией. Всю встречную материю призрак давно пожрал; вот, почему в этой области даже облаков газа нет.

Кэсси невольно сглотнула.

– Мы... Сможем улететь?

Вместо ответа, Лекс молча кивнул на застывшего перед экраном Лайта. Тот переводил взгляд с одной кучки цифр на другую и обратно.

– Шансы есть, так-то... – процедил он после долгой паузы. – Но...

– Никаких «но»! – оборвал Лекс. – Говори прямо.

Лайт прижал уши.

– Праща, – выдавил нехотя. – Больше никак.

– Праща? Вокруг черной дыры? – переспросил Лекс.

– Нам не хватит мощности вырваться из ее поля. Я даже не уверен, что столь близко от горизонта существуют стабильные орбиты. Праща единственный шанс, так-то. Но... – Лайт бросил на товарища затравленный взгляд. – Перегрузки...

– Ну? Сколько?

– Это лишь прикидки... Мне еще все уточнить надо...

– Ну?!

– Семьсот, – обреченно сказал Лайт.

Повисла тишина. Первой опомнилась Кэсси:

– Семьсот ЧЕГО? – спросила она недоверчиво. – Семьсот «G»?!

Лайт нехотя кивнул.

– Угу.

– Но это смешно! Корабль расплющит!

Лекс медленно покачал головой.

– Нет, звездолет выдержит. А вот мы... – он стиснул клюв. – Лайт, ищи другие варианты.

Баллистик гневно зашипел:

– Можешь попробовать прыжок! Вспышка будет красивой, так-то!

Нейропилот не ответил – он внезапно напрягся, сомкнул внутренние веки. Лайт и Кэсси застыли.

– Вижу корабль, – произнес Лекс, не открывая глаз.

– Вижу корабль, – произнес Лекс.

Повисла страшная тишина. Кэсси утратила дар речи, но Лайт опомнился быстро:

– Дай траекторию! – он весь подался вперед. Когда, послушная мысленной команде, картинка появилась на главном панорамном экране, Лайту потребовалось лишь несколько секунд, чтобы все понять.

– Красное смещение! – выдохнул баллистик. – Вот, почему мы не сразу их увидели! Они тоже угодили в ловушку и пытались уйти пращей, но с приближением к горизонту, свет от их корабля испытал красное смещение!

Лекс на мгновение помедлил.

– Скорость слишком велика...

– Быстрее третьей космической! Они вырвались!

– Мог кто-нибудь выжить? – напряженно спросил Лекс.

Лайт отозвался не сразу.

– Судя по габаритам, это такой же разведчик, как наш... Чтобы выйти из пращи на подобной скорости... – он стиснул клюв и покачал головой. Кэсси возмущенно встопорщила перья:

– Вы не можете быть уверены!

– В космосе мало мест для чудес, так-то, – мрачно сказал Лайт. Лекс успокаивающе поднял крыло:

– Я уже вызываю их на каждой частоте, скоро все узнаем. Кэсси – летите в обсерваторию, сообщите капитану и Кайту. Лайт, я отключаю двигатели, все равно толку с торможения... – он покачал головой.

Девушка уже расстегивала ремни. От напряжения и тревоги, она не обратила внимания даже на вернувшуюся рывком невесомость. Протиснувшись в люк, Кэсси

принялась лихорадочно (взбираться? спускаться?) к обсерватории в носовом отсеке корабля.

Попасть туда ей вновь не удалось – мимо по туннелю, в сторону кормы промчался распушистенный Кайт, за ним спешил капитан.

– Метрику получили?! – выдохнул он, задержавшись около девушки.

Кэсси в двух словах пересказала недавние события. Услышав о семистах «G», Кауран накрыл голову крыльями.

– Следуйте за мной, – выдавил он после долгой паузы. Растерянная Кэсси кивнула. Так, в молчании, они вернулись в рубку и заняли свои кресла под напряженными взглядами товарищей.

– Где Кайт? – нервно спросил Лекс. Капитан перебрал пальцами, не выпуская когтей.

– В машинном отделении. Отправляет предупреждение домой, чтобы за нами никого не посылали, – он глубоко вдохнул. – Лайт? Докладывай.

Баллистик стиснул клюв:

– Дела плохи, капитан. Я рассчитал наиболее щадящие траектории, но перегрузку нам не пережить, так-то. Даже в биогеле.

– А если покинуть корабль на время витка? – помолчав, спросил Кауран.

– На таком расстоянии от горизонта не существует стабильных орбит, – глухо отозвался Лайт. – Мы не сможем встретиться на выходе из пращи.

Повисла тишина.

– Лекс? – позвал, наконец, капитан. – Что с тем кораблем?

– Не отвечают, ни на одной частоте, – тихо сказал серебристо– белый. – Я максимально приблизил картинку, вот... – на главном экране появилось продолговатое мутное пятно.

– Их звездолет поврежден, – Кауран прищурил глаза. – А где посадочный шаттл?

– Его нет, – Лекс нервно прижал уши. – Я думаю... Они, очевидно, тоже рассчитали перегрузки и решили переждать виток в шаттле...

Лайт гневно дернул хвостом:

– Топологически невозможно встретить звездолет на выходе из витка, если твоя стартовая точка лежит на его же траектории, но не пересекает горизонт! Так-то!

Лекс развел крыльями.

– Видимо, они решили рискнуть.

– Это не риск, а самоубийство!

– Семисоткратная перегрузка тоже, – коротко ответил серебристо-белый. – И я не уверен, что предпочел бы ТАКУЮ смерть.

Лайт запнулся. Кэсси, дрожа, переводила взгляд с одного космонавта на другого.

– Так значит... – выдавила она с трудом, – Спасения нет?

Ответил Кауран, после длительной паузы.

– Ну...

– Какие у нас варианты? – мертвым голосом поинтересовался Лекс.

Лайт отвернулся.

– Можем выйти на медленно сворачивающуюся спираль. Это даст несколько месяцев. Потом гравитация призрака начнет растягивать звездолет в бесконечно длинные нити, раздерет на атомы, а чуть позже – расплющит и сами атомы, так-то. Лучших вариантов нет.

Кэсси сглотнула.

– А как же тот корабль? Вы сказали, они вырвались!

– Звездолет вырвался, – мрачно поправил Лекс. – Экипажа в нем нет.

Кэсси встопорщила перья:

– А мы сможем перелететь туда и спастись?

Повисла тишина. Изумленные космонавты уставились на девушку, у Лайта отвис клюв. Первым опомнился Кауран:

– Проверьте!

– Сейчас... – когти Лайта лихорадочно заметались над панелями. – Сейчас...

В люке появился тяжело дышащий, растрепанный Кайт:

– Сообщение оправлено, – выдавил он хрипло.

– Помоги Лайту, – приказал капитан. – Есть идея, как выжить!

Математик бросился к своему креслу. На долгие, бесконечные, жестокие минуты в рубке воцарилась напряженная тишина – лишь двое навигаторов время от времени перебрасывались короткими фразами, да горели в экранах звезды. Кэсси сжалась, обернув себя крыльями.

Прошла целая вечность, прежде чем Лайт, протирая воспаленные глаза, откинулся в кресле, а Кайт устало уронил голову. Прервать молчание решился лишь капитан:

– Ну? – его голос дрогнул.

– Получится, – хрипло выдавил Кайт. – Если стартовать на шаттле в ближайший час.

– Звездолет придется использовать как реактивную массу, лишь это придаст нужное ускорение, – Лайт обернулся к Каурану. – Но даже так шаттл не долетит. Гравитация призрака собьет его с курса примерно на восьмидесятом проценте пути.

Капитан вздрогнул.

– Выход?

– В нужный момент, с точностью до секунды, нам придется продолжить в скафандрах. Разгонные блоки из ранцев надо смонтировать на внешней обшивке, и тогда уже шаттл станет массой, которую мы толкнем в сторону призрака, получив необходимое ускорение, так-то.

– План очень рискованный, – негромко добавил Кайт. – После рывка, скафандры не смогут маневрировать. Малейшая ошибка в расчетах, и мы пролетим в метре от корабля, бессильные до него дотянуться.

Лекс и Кауран переглянулись. Кэсси сжалась сильнее.

– Это лучший шанс? – коротко спросил капитан.

– Единственный.

– За работу! – Кауран вскочил. – Лекс, прими от навигаторов последнюю коррекцию курса, и все мчитесь к шаттлу! Мы с Кэсси будем крепить ранцы!

– Кэп, секунду... – Лекс нервно прижал уши. – Их звездолет поврежден, вы сами видели. А если... Если там вакуум?

Кауран замешкался лишь на миг:

– Разберемся на месте. Кэсси, за мной! – он подлетел к люку и выбрался в главный туннель. Испуганная девушка спешила следом.

От боли в мышцах хотелось кричать, но Кэсси упрямо таскала баллоны с твердым кислородом, скрепляя их магнитными колодками по–два на крыле шаттла. В невесомости, разумеется, баллоны свободно летали, но масса у каждого в полтора раза превышала массу самой Кэсси, и любая попытка изменить направление их «полета» требовала напряжения всех сил. Капитан устанавливал на сборки из баллонов разгонные блоки скафандров; кислород должен был обеспечить космонавтам выживание на время ремонта неизвестного корабля.

Остальные члены команды только что вернулись из рубки. Кайт тут же бросился на помощь Кэсси, Лайт полез в кабину. Замешкался лишь Лекс: морщась от неудовольствия, он отправился надевать свой скафандр, висевший тут же в трюме.

До крайнего срока оставалось двадцать семь минут, когда все приготовления были завершены и космонавты заняли кресла в тесной кабине шаттла. Пока Кауран проводил последнюю проверку систем, Лекс поднял забрало шлема и зажмурился, вновь подключаясь к мозгу гибнущего звездолета. Кэсси смотрела на него с сочувствием – она догадывалась, каково было сейчас нейропилоту.

– Все хорошо? – спросила тихо.

Лекс не открыл глаз, но отозвался сразу – к этой его особенности было довольно трудно привыкнуть.

– Я прощаюсь, – сказал он просто. – А заодно перевожу все, что возможно, в режим консервации, готовлю корабль к перегрузкам и... Кто знает, вдруг через тысячи тысяч веков его найдут?

Кэсси с грустью отвела взгляд. Тем временем, капитан закончил проверку и, знаком, дал Лайту добро на старт. В палубе раздвинулись створки, манипулятор медленно втянул шаттл в шлюзовую камеру. Взвыли насосы.

С падением давления воздуха, стремительно стихли все звуки. Едва в камере воцарился вакуум, раскрылись внешние створки, и тот же манипулятор выдвинул шаттл в открытый космос, но пока не отсоединялся. Кэсси принялась глазеть по сторонам, надеясь отыскать в иллюминаторах хотя бы намек на смертоносного призрака; безуспешно.

– Вы приняли таблетки от перегрузок? – вполголоса спросил Кайт, сидевший рядом. С другой стороны сидел Лекс, а передние кресла заняли Кауран с Лайтом.

Кэсси кивнула. Кайт положил руку ей на колено:

– Держитесь.

– Запуск торможения! – приказал Кауран. Шаттл дернулся, космонавтов прижало к креслам. Покидаемый ими звездолет начал бороться с гравитацией призрака, безжалостно требуя от орбитальных двигателей все возможное.

– Отрицательное ускорение 100%... 90%... 80%... – голос Лайта звучал натужно, перегрузки достигали двух «G». Кэсси дышала с огромным трудом, грудь налилась страшной тяжестью. А ведь это лишь начало...

– Ускорение ноль, все, большего из корабля не выжать! – крикнул Лайт.

– Старт!

Страшный рывок вдавил Кэсси в кресло, в глазах покраснело, дыхание прервалось. Она смутно видела, как дрожит за иллюминаторами сиреневое пламя, кабину шаттла трясло. Секунды тянулись... Секунды ли? Минуты? Часы? Сознание уже покидало девушку, когда двигатели отработали весь запас топлива и ускорение прервалось. Всех швырнуло вперед на ремни.

– Вы в порядке? Очнитесь! – заботливый голос Кайта с трудом пробивался сквозь муть и боль, переполнявшие рассудок. Кэсси пыталась сфокусировать зрение, но все плыло. Ее тошнило, в груди что-то похрипывало с каждым вдохом.

– Кэсси!

Собрав силы в кулак, девушка невероятным напряжением воли поборола головокружение. В кабине шаттла царили невесомость и тишина, все космонавты с тревогой ожидали вестей о здоровье их спутницы. Какое-то время Кэсси молча моргала, прогоняя красное марево из глаз.

– Оооох... – выдавила она наконец. Кайт облегченно перевел дух:

– Как вы?!

– Пока живая... – девушка слабо улыбнулась. – Ну, получилось?..

– Все нормально, летим с расчетной скоростью, – поспешно отозвался Лайт. – До точки выхода еще часа два.

– Точка выхода?.. – растеряно пробормотала Кэсси. – А... Вы о скафандрах... У меня есть скафандр, да... Он оранжевый... Как солнышко на закате... Пфррррр!!! Что это?!!! – она отпрянула и принялась обеими лапами дико тереть клюв. Лекс спрятал бутылочку нашатырного спирта в кармашек на поясе.

– Вам станет лучше.

– Уже стало, спасибо! – возмущенная девушка фыркала, глаза слезились. Кауран и Лайт на передних сидениях облегченно рассмеялись.

Кэсси потребовалось еще несколько минут, чтобы прийти в себя. Полет проходил в полной тишине и покое. Звезды в иллюминаторах сияли величаво и грозно, совершенно без движения; мысль, что где-то, совсем рядом, таится невидимое чудовище черной дыры, казалась нелепой.

Разговаривать никому не хотелось. Время текло тягучим медом, показания сенсоров на экранах медленно менялись. Лекс вытащил откуда-то древнюю карманную игровую приставку и сосредоточенно тыкал в нее когтями, Кайт читал с планшета, Лайт и Кауран просто смотрели вперед, то и дело сверяясь с приборами. Кэсси погрузилась в себя.

Незаметно миновал час, близился к концу и другой, когда капитан, перебросившись с Лайтом парой фраз, обернулся в кресле и сухо сказал:

– Пора.

Все защелкнули забрала. Заботливый Кайт проверил скафандр Кэсси и жестом дал знать, что все в норме. Кауран тронул сенсор интеркома на запястье:

– Проверка связи.

– Кайт, прием.

– Лайт, прием.

– Лекс, прием.

Кэсси запнулась.

– Ну... И я тоже...

Все тепло рассмеялись. Лекс полуобернулся в кресле:

– Кэсси, у шаттла нет шлюзовой камеры, так что сейчас мы отстрелим фонарь кабины, не пугайтесь – немного тряханет. Затем Кайт и капитан выйдут на крыло, закрепят фалы и помогут выйти вам; мы с Лайтом будем страховать. Ничего не бойтесь. Ладно?

Девушку легонько трясло, но она заставила себя кивнуть, надеясь, что выглядит спокойной. Лекс улыбнулся:

– Поехали.

В тот же миг сработали пиропатроны, и вся крыша кабины вместе с боковыми иллюминаторами кувырком полетела прочь, подхваченная взрывным расширением воздуха. Космонавтов бросило на ремни, от оглушительного хлопка зазвенело в ушах даже внутри шлемов. Реактивная сила толкнула нос шаттла в обратную сторону, звездное небо впервые пришло в движение; Лайт быстро склонился над пультом и несколькими импульсами двигателей ориентации остановил вращение.

Первым от кресла отстегнулся капитан, за ним последовал и Кайт. Передав Лексу конец фала, он подождал, пока Кауран скроется за бортом, после чего легким и точно рассчитанным прыжком покинул кабину и сам. Пару минут все было тихо.

– Выводите ее, – в рации раздался голос Каурана. Лекс прицепил фал к кольцу на поясе Кэсси и одобрительно похлопал ее по спине. Однако Лайт, внезапно, обернулся и удержал девушку за плечо:

– Я должен отключить прозрачность вашего забрала.

– Что?! – Кэсси даже приоткрыла клюв от неожиданности. Лайт твердо кивнул:

– Вспомните, что было, когда вам предложили полетать на конце фала. Сейчас любая задержка, даже на долю секунды, погубит всех. Простите. Придется потерпеть.

Кэсси стиснула клюв.

– Я не поддамся панике!

– Сколько раз вы уже были в открытом космосе? – Лайт прищурил глаза. – Так-то. Мне жаль, но приказ капитана.

Он открыл щиток на грудной пластине скафандра Кэсси и сдвинул микропереключатель. Забрало шлема мгновенно превратилось в молочно-белое глухое стекло.

– Вот и все, – голос в рации ничуть не изменился. – Прошу, поймите. Мы в космосе. Здесь чудес не бывает. А ошибки бывают лишь раз.

Возмущенная Кэсси молчала, тяжело дыша.

– Расслабьтесь, – подключился голос Лекса. – Просто не двигайтесь. Мы обо всем позаботимся.

Она чувствовала, как сильные руки расстегивают ремни. Ее куда-то несли, бережно и спокойно. Несколько секунд, и еще одна пара рук взяла ее за плечи, развернула, пристегнула что-то к кронштейнам на спине.

– Держитесь за меня и ничего не бойтесь, – тепло сказал голос Кайта в рации. Кэсси нащупала его плечо и вцепилась в имевшуюся на каждом скафандре скобу.

– Минута до старта. Все готовы?

– Так точно.

– Готовы.

– Всегда.

– Кэсси, ни в коем случае не двигайтесь, просто расслабьтесь, – предупредил голос Каурана. – Лайт, обратный отсчет.

– 20... 19... 18...

Кэсси судорожно дышала. Ее немного тошнило и от невесомости кружилась голова, но все затмевал страх перед неведомым. Пожалуй, непрозрачное забрало и впрямь хорошая идея...

– 3... 2... 1...

Рывок! Голова Кэсси дернулась внутри шлема, ткнувшись в мягкую подушечку за затылком. Несколько долгих секунд ускорение давило на грудь, затем новый рывок – и покой.

– Отлично! Молодец, Лайт!

– Скорость идеальная, траектория тоже.

– Прекрасная работа!

– Как вы там, Кэсси? – тревожно позвал Кайт.

Девушка глубоко вздохнула.

– Долго мне еще оставаться слепой?

– Всего двенадцать минут. Уже почти одиннадцать...

– Но я не боюсь, я хочу видеть!

– Кэсси, это слишком опасно, – мягко произнес капитан. – Мы не контролируем инстинкты. Если бы вы знали, сколько времени и сил уходит на подготовку космонавта к первому выходу в открытый космос...

– Лайту не следовало предлагать вам тот полет, – добавил Кайт.

– Я думал, она умеет, так-то.

– Откуда ей уметь?

– Но она же родилась в космосе!

– Правда?

– Ого!

– Кэсси, расскажите!

Девушка устало зажмурилась.

– Вы же меня просто отвлечь пытаетесь...

– Да нет, нам правда интересно!

– Конечно интересно!

– С радостью выслушаю.

Кэсси вздохнула.

– Ну... – она начала рассказ. К его окончанию, девушка с удивлением обнаружила, что ей действительно стало легче. Космонавты слушали молча, полет протекал спокойно и плавно. Кэсси уже собиралась вторично попросить вернуть прозрачность забралу, когда напряженный голос капитана прервал тишину:

– Прибываем. Занять позиции.

Девушка чувствовала, как движется Кайт, за скобу на плече которого она до сих пор судорожно цеплялась. Словно прочитав ее мысли, математик положил руку на ее ладонь и тепло сжал сквозь перчатку скафандра.

– Что происходит? – тихо спросила Кэсси.

– Мы связываем фалом кислородные баллоны, они слишком тяжелы, чтобы пытаться самим их ловить, – объяснил Кайт. – Фал закрепим на корабле. Лекс уже готовится к стыковке, наша траектория идеальна, летим прямо к фермам двигателя. Еще минута... Даже меньше...

Девушка затаила дыхание.

– Лекс... Внимание... Внимание... Давай!

– Поймал! – радостный голос нейропилота вызвал в эфире смех и поздравления. Кэсси напряглась в ожидании рывка, но ощутила только мягкое изменение в направлении полета. Ее подтащили поближе и Кайт ткнул ее ладонь во что-то массивное и металлическое.

– Держитесь за ферму. Двумя руками, – приказал он. Кэсси поспешно подчинилась.

– Крепко держитесь?

– Да...

– Капитан, она закрепилась. Предлагаю вернуть визуал.

– Давай.

Кэсси зажмурилась. Чьи-то пальцы вновь откинули щиток на грудной пластине и щелкнули тумблером. Белесая пелена на забрале растаяла.

– Не бойтесь, – ласково сказал Кайт, прижав свой шлем к ее и глядя в упор. – Откройте глаза.

Девушка судорожно дышала, ее трясло. Но добрый голос товарища придал храбрости, и Кэсси заставила себя поднять веки. Кайт за двумя забралами тепло улыбнулся.

– Мы спасены, – сказал он весело. – Уже спасены, поскольку летим прочь от призрака на третьей космической, вместе с кораблем. Ничего не бойтесь. Крепко держитесь за ферму и смотрите по сторонам, только не вниз, запомнили? Вниз не смотреть.

Кэсси с натугой кивнула.

– Я буду с вами до самого шлюза, – добавил Кайт. – Видите, там, у кормового отсека свет фонарей? Лекс и капитан уже готовы войти на борт. Они изучат обстановку и скажут, если все безопасно.

Девушка с трудом улыбнулась.

– Что с вашим голосом, Кайт? Вы будто охрипли.

Математик виновато прижал уши внутри своего шлема.

– Я... Так бывает, когда я... Очень нервничаю.

Кэсси с пониманием кивнула.

– Вы замечательный друг, я не знаю как перенесла бы такой... – она запнулась, услышав в радиии громкое восклицание Лекса:

– Что?!

На миг в эфире воцарилась тишина.

– Лекс, прием? – с тревогой позвал Лайт, следивший за грудой кислородных баллонов на конце фала.

– Но это невозможно... – дрожь в голосе нейропилота заставила всех напрячься. Кайт подался вперед:

– Что случилось?!

– Ребята... – пробормотал шокированный Лекс. – Как... Я... Не понимаю...

– Всем срочно прибыть к шлюзу! – прервал его энергичный голос капитана.

Кайт схватил Кэсси за руку, стиснул ладонь.

– Не смотрите вниз, смотрите только на меня. Видите фал между нашими скафандрами? Все будет хорошо. Отпустите ферму. Вот так, отлично... Не сводите с меня глаз! Медленно, спокойно летим к кораблю. Еще несколько секунд, Кэсси, всего пара секунд... Наконец! – Кайт схватился за поручень возле раздвинутых створок шлюзовой камеры и помог девушке влететь внутрь. Лайт был уже там.

Математик, в последний раз окинув взглядом безжизненное космическое пространство, последним поднялся на борт и повернул красное колесико у люка.

Створки беззвучно сомкнулись, экран показал начало набора давления. Все молчали, даже Лайт опасался прервать тревожную тишину. Так вышло, что первой, кто произнес невозможное вслух, оказалась Кэсси.

– «Йинг» – прочла она вслух надпись, полукругом выбитую над люком. – Минутку. Разве не так назывался наш звездолет?

Глаза Кайта за радужной броней забрала округлились. Лайт что-то неразборчиво пробормотал. Кэсси, до сих пор не до конца сознавая, что же она сейчас сказала, растеряно моргнула.

– Капитан? – позвала она сдавленно. – Кайт?.. Лекс?.. Лайт?!.. Вы слышите?..

– Слышим, – отозвался чей-то глухой голос.

Экран показал нормальное давление и внутренний люк раскрылся. Кайт, хотя и был глубоко шокирован, помог девушке влететь в грузовой отсек, где горел свет и парил в невесомости массивный бело–золотой Кауран.

– Что все это значит? – дрожа, спросила Кэсси, едва забрало ее шлема с щелчком поднялось. – В космофлоте есть несколько дальних разведчиков с названием «Йинг»?

– Нет, – ровным голосом отозвался капитан.

– Но... Где же мы тогда находимся?!

– На борту нашего собственного звездолета... – потрясенно выдавил Лайт, озираясь по сторонам.

Кэсси отпрянула и начала кувыркаться в невесомости, но Кайт помог ей восстановить положение. Он тяжело дышал и дико размахивал хвостом.

– Как такое возможно?! – выдавила девушка.

Кайт оглянулся на Лайта. Тот, шокированный и растерянный, молча развел крыльями. Математик перевел взгляд на Каурана:

– Где Лекс?

– В рубке. Проводит полную диагностику, – было хорошо видно, что капитан тоже нервничает, однако он скрывал эмоции гораздо лучше, чем члены его команды.

– Это действительно «Йинг»? Наш корабль?! – хрипло спросил Лайт.

Капитан сухо кивнул:

– Других теорий пока нет.

– Но... Но... Но... Как?!

– Черная дыра, – внезапно сказал Кайт. – Искажение пространства–времени. Брошенный нами звездолет обогнул черную дыру вплотную к горизонту и, каким-то образом, попал в прошлое. Он вышел из пращи за несколько суток раньше, чем вошел в нее.

Лайт сорвал шлем, швырнул его в стену и схватился за голову, бесконтрольно вращаясь в невесомости.

– Времениеподобная кривая, – простонал он. – Толчок от старта шаттла изменил траекторию, и корабль вошел в прашу по времениеподобной кривой. Какие шансы?!!

Пораженный Кайт тяжело дышал.

– Я думал, это лишь абстрактная теория, – его голос стал еще более хриплым.

– Все так думали!!!

– Но... – он запнулся и беспомощно взглянул на капитана.

Тот, с силой, перевел дух:

– Следуйте за мной в рубку. Нам всем следует отдохнуть и обсудить ситуацию.

Кэсси; вас, конечно, приглашение тоже касается.

Подавленная девушка молча кивнула. Все четверо покинули грузовой отсек, последним летел Кайт; прежде, чем задраить люк, он внимательно проверил створки шлюзовой камеры и показания контрольных приборов.

Путь по центральному туннелю до рубки на сей раз не показался Кэсси долгим. То тут, то там, она замечала в воздухе парящие обломки, несколько осветительных колец вокруг люков уже не горело – пролет вблизи призрака дорого обошелся звездолету. Краем глаза она видела, что космонавты то и дело сверяются с экранчиками на запястьях скафандров; туда, как знала девушка, выводились показания счетчиков радиации. Впрочем, такой же точно экран на рукаве ее собственного скафандра горел бодрящим синим светом, а значит, до опасного уровня было еще далеко.

В рубке почти ничего не изменилось, лишь лопнули все надувные кресла. В центре, перед панорамным экраном, прямо на полу сидел Лекс – сняв шлем, с закрытыми глазами. Космонавты молча расселись вокруг, Кэсси вжалась в самый угол. Какое-то время, никто не нарушал тишину.

– Лекс, – позвал наконец Кауран. – Доложи о состоянии корабля.

– Множество повреждений средней тяжести, в обсерватории разгерметизация, оборваны все рукава аварийной эвакуации, – сразу отозвался нейропилот. – Двигатели, насколько я могу судить дистанционно, не затронуты. Полностью израсходован запас экзотической материи для маяка, но основные топливные баки уцелели.

– Маяк? – переспросил Кауран. Отозвался Кайт:

– Я отправил домой предупреждение о призраке и поставил его на самоповтор. Все переглянулись. Внезапно Кэсси, ахнув, широко раскрыла глаза:

– Кайт, – позвала она, не веря. – Вас ведь не было в рубке, когда я расшифровала сигнал?

Лайт распушился в черный шар из перьев.

– О, небо... – прошептал он. Даже Лекс поднял веки и, пораженный, обернулся к девушке.

– Что–что?

– Вы не могли бы повторить текст сообщения? – Кэсси напряженно смотрела на математика. Тот с легкой растерянностью кивнул:

– Конечно. Я обратился ко всем, кто слышит, предупреждая их о призраке, отправил его координаты и добавил, чтобы не пытались нас спасти...

Глаза Каурана стали квадратными, у Лайта отвис клюв. Потрясенный до глубины души, Лекс накрылся крыльями и свернулся в клубок.

– В чем дело?! – Кайт нервно прижал уши.

Кэсси молча сняла с пояса диктофон. Вновь, как и много часов назад, рубку заполнил голос неведомого космонавта. После первых же слов, математик вскрикнул и поддался назад всем телом, вжался в стену.

– Я... Я...

– Ваш голос становится хриплым от волнения, – тихо подсказала Кэсси.

Растерянный, раздавленный Кайт бросил на нее беспомощный взгляд.

– Как такое возможно?!!

– Мы прилетели на собственный сигнал бедствия... – пробормотал Лайт, его хвост нервно хлестал.

– Нет! – взорвался Кайт. – Прием случился более десяти зависимых суток назад, а я отправил его только вчера!

Кауран медленно кивнул.

– И поставил на самоповтор.

– Ну да... – математик запнулся и широко раскрыл глаза. Капитан кивнул.

– Сигнал повторялся, а время для звездолета шло в обратную сторону. Мы поймали последний импульс маяка – последний по корабельным часам, а для нас – самый ранний. В минус–десятые сутки.

– Вот, почему модуляция была искажена, и я так долго не могла найти ключ... – выдавила Кэсси. – Сигнал кодировался при отрицательном времени.

Потрясенные космонавты надолго умолкли. Кайт тяжело дышал, Лекс продолжал прятаться под крыльями. Наконец, судорожным усилием воли, капитан пришел в себя и зажмурился.

– О, когти Солнца... Так значит, не было никакого терпящего бедствие звездолета! А в столь далекую экспедицию, действительно, никто не летал!

– Вот и слетали, – выдавил Лайт.

Кауран обхватил себя крыльями.

– Я... У меня просто слов нет. Невероятно! Мистика!

– Да уж, – Лайт издал нервный смешок. – Лекс! Ты там как?

– Пытаюсь осмыслить, – отозвался нейропилот из-под горы перьев.

Кэсси взглянула на Каурана.

– Звездолет оказался пустым, поскольку мы покинули его перед витком. И шаттла в нем не было, ибо мы на этом шаттле к нему же и отправились.

Капитан медленно кивнул.

– Разумеется. Абсолютно все, чего не хватало на борту, вернулось обратно вместе с нами. Сколько кислородных баллонов недостает в трюме?

– Десять... – выдавил Лекс. Лайт восхищенно захлопал крыльями:

– Спятить можно!

Кэсси подлетела к молчавшему Кайту и взяла его за руку.

– Вы ни в чем не виноваты, – сказала негромко. Расслышав слова, Кауран встрепенулся:

– Небо, да никто не виноват! – воскликнул он. – Это самое... Самое... Самое невозможное происшествие за всю историю космических полетов!

– Кхе-кхе, – вставил Лайт. – Я бы сказал, «космических полетов» тут лишнее, так-то.

Капитан резко кивнул, распахнул крылья и взмыл к потолку.

– Друзья, – произнес он с нажимом. – Мы оказались в эпицентре удивительного события, но впереди много работы. Звездолет нуждается в срочном ремонте, а призрак еще совсем рядом – до точки безопасного межзвездного прыжка лететь много недель. Но я не боюсь. Я уверен – мы справимся.

– Конечно справимся, – фыркнул Лайт. – После такого-то! Пфф!

Кауран оглянулся на Кэсси:

– Пусть с опозданием, но мы доставим вас на Пограничную–1.

Девушка слабо улыбнулась.

– Спасибо, – она тяжело вздохнула. – Только... Можно мне обратно, в капсулу искусственного сна? Боюсь, еще «много недель» невесомости я не выдержу.

Кайт обхватил ее крыльями и стиснул в объятиях. Подхваченные порывом, остальные присоединились, собравшись в огромный разноцветный пернатый шар. И хотя опасность, по–прежнему, была велика, а коварный космос готовил ловушки на каждом взмахе – космонавты с надеждой смотрели в будущее.

Ведь каждый из них посвятил ему жизнь.

Конец